

Роденбах Жорж

Звонарь

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж81

Ж81 **Жорж Р.**
Звонарь: Роман / Роденбах Жорж – М.: Книга по Требованию, 2023. – 228 с.

ISBN 978-5-519-80900-9

ISBN 978-5-519-80900-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Мечта.

I.

Большая Площадь Брюгге, обыкновенно безлюдная—на ней только изрѣдка появлялись прохожіе: дѣти бѣдняковъ, безцѣльно бродившія по городу, священники и бегинки,—внезапно переполнилась волнующимися группами, черными островками, разбросанными на сѣромъ фонѣ. Толпа все прибывала.

Конкурсъ звонарей долженъ былъ состояться въ первый октябрьскій понедѣльникъ, въ четыре часа дня. Должность городского звонаря была вакантной послѣ кончины стараго Бавона де-Воса, съ честью занимавшаго свой постъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Въ этотъ день надлежало избрать его замѣстителя, согласно обычаю, послѣ публичнаго конкурса: самъ народъ выбиралъ его, привѣтствуя побѣдителя. Въ виду этого конкурсъ былъ назначенъ на понедѣльникъ: этотъ день служилъ продолженіемъ воскреснаго отдыха, такъ какъ по понедѣльникамъ работа вездѣ кончалась въ полдень. Благодаря этому, избраніе могло быть всенароднымъ и единодушнымъ. Такъ и долженъ быть избираемъ звонарь. Колокольный звонъ—народная музыка.

Въ кипучей жизни столицъ украшеніемъ народныхъ празднествъ, волшебной силой, воспламеняющей души, служатъ фейерверки. Въ задумчивой Фландріи, окутанной сырýmъ туманомъ, не

позволяющимъ развлекаться игрой огней, колокольный звонъ замѣняетъ ихъ. Онъ представляетъ собой фейерверкъ, доставляющій наслажденіе *при помощи слуха*. Слухъ передаетъ ясновидящему взгляду блескъ взрывающихся ракетъ и тысячи звуковыхъ искръ, сверкающихъ въ воздухѣ.

Толпа все прибывала. Изъ прилегающихъ къ площади улицъ—изъ улицы Шерстобитовъ и Фламандской улицы—поминутно появлялись новыя группы и размѣщались на площади. Солнце уже заходило: дни уменьшались, наступала осень. Оно озаряло площадь нѣжно-янтарнымъ прощальнымъ блескомъ. Суровый таинственный четырехсторонникъ мрачнаго зданія Рынка казался сложенымъ изъ тѣней почи, слабо сіявшихъ бронзовымъ блескомъ.

Что касается колокольни, возвышавшейся надъ всѣми крышами, то она—противостоявшая солнцу—вся тонула въ его блескъ. Поднимаясь надъ чернымъ основаніемъ, она казалась розовой, словно окрашенной. Солнечный свѣтъ переливался и струился. Онъ обвивалъ колонки, готическія арки окопъ, рѣзныя башенки, всѣ каменные выступы. Онъ разстилался волнистыми пеленами, сіяющими знаменами. Благодаря ему, массивная башня, мрачно возвышавшаяся надъ землею, темно-красная, словно покрытая пылью вѣковъ, казалась оживленной и прозрачной... Заходящее солнце отражалось на ней, какъ на поверхности воды; круглый раззолоченный циферблатъ башни былъ подобенъ блестящему диску солнца.

Взгляды толпы, спокойно и почти безмолвно ожидавшей начала конкурса, были устремлены на этотъ циферблатъ. Толпа представляетъ собой сумму настроеній, владѣющихъ каждымъ изъ составляющихъ ее людей. Въ данномъ случаѣ, всѣ присутствовавшіе были погружены въ задумчивость. Кромѣ того, люди, находящіеся въ ожиданіи, всегда склонны къ молчаливости.

Всѣ обитатели города и предмѣстій, бѣдные и богатые, собрались, чтобъ присутствовать на конкурсѣ. У всѣхъ оконъ виднѣлись зрители; выступы крышъ, напоминавшіе ступеньки узкихъ лѣстницъ, были усыяны людьми. Площадь была вся пестрая и содрогалась отъ трепета ожиданія. Надъ дряхлымъ четырехэтажнымъ кирпичнымъ фасадомъ отеля Бушутъ, освѣщеннымъ закатомъ, блестялъ золотой левъ. Противъ него Дворецъ Правительства выставялъ своихъ каменныхъ львовъ, гіеральдическихъ стражей стараго фламандскаго стиля: стиль этотъ воспроизводился въ архитектурѣ Дворца, представляющей собой соединеніе сѣраго камня, сѣро-зеленыхъ стеколъ, стройныхъ выступовъ. На площадкѣ готической лѣстницы, подъ краснымъ балдахиномъ, находились—чтобъ придать еще большую торжественность этой церемоніи, связанной съ наиболѣе отдаленными и священными событіями исторіи Фландріи—Правитель и старосты въ форменныхъ мундирахъ, обшитыхъ галунами.

Приближался часъ конкурса.

Раздались звучные удары большого колокола. Это былъ колоколъ тріумфа, скорби, побѣдъ и празднествъ; онъ былъ отлитъ въ 1680 г. и съ тѣхъ поръ не покидалъ колокольни, отмѣчая всѣ событія своими ударами, подобными біенію большого краснаго сердца. Въ теченіе часа онъ звонилъ, созывая. Потомъ внезапно удары замедлились и смягчились. Глубокое молчаніе. Стрѣлки циферблата, цѣлый день преслѣдующія и убѣгающія другъ отъ друга, раскрылись, какъ стрѣлки компаса. Еще одна—двѣ минуты—и четыре часа! Тогда во внутренности смолкшаго большого колокола зазвучалъ тихій звонъ заутренн, аккорды, легкіе и мелодичные, какъ щебетанье пробудившихся въ гнѣздахъ птицъ.

Толпа слушала; нѣкоторые думали, что конкурсъ уже начался. Но это былъ механическій звонъ,

производимый мѣднымъ цилиндромъ, приводящимъ въ движеніе молоты: таково устройство музыкальныхъ ящиковъ. Этотъ механизмъ соединенъ съ клавиатурой, пользуясь которой, музыканты вступаютъ въ состязаніе.

Въ ожиданіи этого момента была сыграна прелюдія, обыкновенно предшествующая звону часовъ—серебристые узоры, цвѣты, сотканые изъ звуковъ, бросаемые, какъ прощальный привѣтъ вслѣдъ уходящему времени.

Возбудить нѣжную радость, чтобъ смягчить грусть мысли о смерти часа, еще одного часа—не для этого ли играли прелюдію?

Въ воздухѣ прозвучали четыре удара, отчетливые, торжественные, неумолимые: они, казалось, пригвоздили крестъ. Четыре часа! Это былъ часъ, назначенный для начала конкурса.

Толпа заволновалась. Ею овладѣло легкое нетерпѣніе...

У одного изъ оконъ Рынка—у окна, находившагося по близости отъ пьедестала, разукрашеннаго листьями и головами овновъ, на которомъ поставлена статуя Мадонны,—появился герольдъ, облеченный въ пурпуръ. Громкимъ голосомъ онъ объявилъ объ открытіи конкурса звонарей города Брюгге: изъ этого окна всегда провозглашались законы, указы, мирные трактаты и постановленія, регулировавшіе жизнь общины.

Толпа застыла въ нѣмомъ ожиданіи.

Только немногіе знали подробности: записались звонари изъ Мехельна, Обенарда и Геренталя и еще другіе, которые, впрочемъ, можетъ быть, откажутся; могутъ явиться и непредвидѣнные кандидаты, такъ какъ записываться не воспрещалось до послѣдней минуты.

Послѣ объявленія конкурса открытымъ, раздались три торопливыхъ удара большого колокола, подобные тремъ ударамъ, предшествующимъ Angelus'у. Состязаніе началось.

Послышался перезвонъ. Это уже не было автоматической музыкой. Теперь чувствовалась произвольная, свободная игра, внимательство чловѣка, пробуждавшаго колокола одинъ за другимъ, заставлявшаго ихъ содрогаться, ласкавшаго ихъ, сопровождавшаго ихъ, какъ пастырь сопровождаетъ стадо. Начало было не дурно, но потомъ все было испорчено: одинъ колоколъ задребезжалъ, другіе или слишкомъ торопились, или замолкали.

Второй номеръ былъ исполненъ лучше, но выборъ былъ плачевно неудаченъ: полурри, составленное изъ различныхъ мелодій, подобное одеждѣ арлекина или прыжкамъ клоуна на трапеціи, прикрѣпленной къ вершинѣ колокольни.

Толпа ничего не поняла и осталась безучастной.

Изъ нѣсколькихъ группъ послышались жидкіе аплодисменты, длившіеся не больше минуты; казалось, что захлопали вальками по водѣ.

Послѣ перерыва снова прозвучали три удара большого колокола. Выступилъ второй кандидатъ. Онъ проявилъ больше искусства, но скоро утомилъ колокола, заставляя ихъ рычать Марсельезу или God save the Queen... Онъ тоже не имѣлъ успѣха. Разочарованная толпа стала думать, что никто не въ состояніи замѣнить стараго Бавона де-Воса, въ теченіе многихъ лѣтъ достойно исполнявшаго свою обязанность.

Слѣдующій кандидатъ произвелъ еще болѣе тягостное впечатлѣніе. Ему пришла въ голову несчастная мысль быстрымъ, отрывистымъ темпомъ сыграть обрывки изъ оперетокъ и кафепантаныхъ пѣсенокъ. Колокола прыгали, кричали, смѣялись, словно ихъ щекотали, спотыкались, какъ если бы они немножко подвыпили и обезумѣли. Казалось, что они приподнимаютъ свои бронзовыя одежды, танцуя безстыдный канканъ. Толпа сначала удивилась, потомъ оскорбилась за свои милые столѣтніе колокола. Послышались негодующіе, возмущенные крики...

Остальные два кандидата испугались и отказались. Повидимому, конкурс долженъ былъ остаться безъ результата. Неужели придется отсрочить назначеніе новаго звонаря? Герольдъ снова появился, вызывая желающихъ принять участіе въ конкурсѣ.

Въ отвѣтъ раздался чей-то голосъ; изъ первыхъ рядовъ толпы, скучившейся передъ зданіемъ Рынка, поднялась чья-то рука... Черезъ минуту за скрипѣла старая дверь: человѣкъ вошелъ.

Толпа вздрагивала, беспокоилась, высказывала всевозможныя догадки. Никто ничего не зналъ. Что же будетъ? Конкурсъ уже конченъ? Понятно, не назначать ни одного изъ выступавшихъ кандидатовъ.

Не вызовется ли еще кто-нибудь? Спрашивали, поднимались на цыпочки, толкались, глядѣли на окно Рынка и на колокольню, на лѣстницахъ которой не то двигались человѣческія фигуры, не то перелетали съ мѣста на мѣсто вороны.

Еще разъ прозвучали три удара большого колокола: традиціонные три удара, возвѣщавшіе выступленіе новаго кандидата.

Отчаявшаяся толпа стала слушать внимательнѣй, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ колокола звучали тихо, заставляя соблюдать безусловную тишину. Слышалась нѣжная музыка; не чувствовалось слитныхъ или выдѣлявшихся ударовъ колоколовъ: это былъ концертъ отлитой бронзы, доносившійся издалека, изъ глубины вѣковъ. Музыка грезь! Она неслась не съ колокольни—изъ безграничныхъ пространствъ неба, изъ лона времени. Этому звонарю пришло въ голову начать играть старинныя рождественскія пѣсни, фламандскія рождественскія пѣсни, зародившіяся въ сердцѣ расы и служащія зеркаломъ, въ которомъ она узнаетъ себя. Это было величаво и немного печально, какъ и все, что прошло сквозь горнило вѣковъ. Это была старинная музыка, но ее могли понять дѣти. Это

была далекая и смутная мелодія, словно касающаяся границъ молчанія, и, тѣмъ не менѣе, каждый воспринималъ ее въ своей душѣ. У многихъ глаза увлажнились: были то слезы или мельчайшія слѣрыя капельки звуковъ, застилавшія ихъ...

Вся толпа всколыхнулась. Боязливая и разсудительная, она поняла развѣвавшуюся въ воздухѣ темную ткань своихъ собственныхъ грѣзъ, полюбивъ ее смутный смыслъ.

Серія старинныхъ рождественскихъ пѣсень кончилась. Въ первую минуту толпа продолжала хранить молчаніе, словно души присутствовавшихъ были увлечены въ вѣчность звуками колоколовъ, бывшими на этотъ разъ добрыми прабабками, спѣвшими имъ старинныя легенды, оборванные сказки, которыя каждый могъ докончить, сообразуясь со своимъ желаніемъ...

Раздались взволнованные крики, преисполненные ликованія. Они становились все громче, обвивали, какъ черный плющъ, башню, бурными взрывами оглушали новаго звонаря.

Онъ совершенно случайно, въ самую послѣднюю минуту, рѣшилъ выступить въ качествѣ кандидата. Огорченный ничтожествомъ своихъ предшественниковъ, онъ—неожиданно для самого себя—взошелъ на колокольню и очутился въ стеклянной комнатѣ, гдѣ раньше часто бывалъ, навѣщая своего друга, стараго Бавона де-Воса. Не придется ли ему замѣстить его?

Что дѣлать? Нужно было снова играть. Рождественскія пѣсни—это старыя скиталицы по дорогамъ Исторіи, бегинки, колѣнопреклоненныя въ воздухѣ. Онѣ заставили народъ, въ ожиданіи стоявшій внизу—совсѣмъ внизу,—мысленно соприкоснуться съ былыми временами своей славы, преклониться на кладбищѣ своего прошлаго... Теперь народъ былъ въ состояніи возжечься героическими чувствами.

Музыкантъ отеръ потъ со лба и сѣлъ передъ

клавіатурой, величественной, какъ церковный органъ, съ педалями для большихъ колоколовъ и желѣзными стержнями, приводящими въ движеніе маленькіе колокола. Это было нѣчто въ родѣ станка, приспособленнаго, чтобы ткать музыку.

Онъ сталъ играть. Послышались звуки старинной народной пѣсни *Левъ Фландріи*. Ее всѣ знали, но въ то же время имя ея автора было неизвѣстнымъ, какъ было неизвѣстно имя строителя колокольни, какъ остаются неизвѣстными имена людей, въ произведеніяхъ которыхъ пѣликомъ отражается раса. Столѣтніе колокола помолодѣли, воспѣвая отвагу и бессмертную славу Фландріи. Это было, по истинѣ, рычаніемъ льва, зѣвъ котораго, подобно зѣву льва, о которомъ говоритъ Священное Писаніе, полонъ пчелъ. Нѣкогда каменный левъ находился на вершинѣ колокольни. Казалось, что онъ снова вернулся, вмѣстѣ съ этой пѣсней, такой же старей, какъ она, и рычалъ съ колокольни, какъ изъ пещеры. Въ умирающемъ блескѣ заходящаго солнца золотой левъ отеля Бушутъ сіялъ, какъ живой; противъ него каменные львы Дворца Правителя отбрасывали на толпу все увеличивавшіяся тѣни. Фландрія со львомъ! Это былъ торжествующій крикъ гильдій и побѣдоносныхъ корпорацій. Онъ словно вырывался изъ окованныхъ желѣзомъ сундуковъ, въ которыхъ хранились хартіи и привилегіи, дарованныя былыми властителями; сундуки эти находились въ одной изъ залъ башни... При звукахъ этой пѣсни воскресала Фландрія со львомъ! Ритмъ ея подобенъ ритму шаговъ движущагося народа. Она воинственна и одушевлена человѣческими чувствами, какъ лицо человѣка въ шлемѣ.

Толпа слушала, съ трудомъ переводя дыханіе. Нельзя было понять: колокола ли это звонили, и какимъ чудомъ звуки, издаваемые сорока девятью колоколами, слились въ одинъ—въ единодушное пѣніе народа. Колокола—маленькіе, съ серебри-

стымъ звономъ, и другіе, тяжелые, колыхавшіеся, и старинные, отличавшіеся огромными размѣрами—казались дѣтьми, женщинами въ мантияхъ, отважными солдатами, возвращавшимися въ городъ, считавшійся мертвымъ. Толпа это поняла. Словно желая пойти навстрѣчу процессіи призраковъ прошлаго, она запѣла въ свою очередь величественный гимнъ. Пѣла вся толпа, собравшаяся на большой площади. Пѣлъ каждый въ отдѣльности. Пѣніе людей сливалось въ воздухѣ съ пѣніемъ колоколовъ. Душа Фландріи струилась, какъ солнечный блескъ, между небомъ и моремъ.

Опьянѣніе славой прошлаго на мгновенье водушевило эту толпу, боязливую, привыкшую къ безмолвію, къ мертвенности города, застывшихъ каналовъ, сѣрыхъ улицъ, давно уже сроднившуюся съ меланхолической кротостью отреченія. Но все же былой героизмъ продолжалъ еще дремать въ душѣ народа, искры таились въ неподвижномъ камнѣ. Внезапно въ жилахъ всѣхъ присутствовавшихъ кровь потекла быстрѣй. Какъ только музыка смолкла, толпа содрогнулась въ порывѣ внезапно охватившаго ее безумнаго энтузіазма. Крики, поднятыя руки, махавшія надъ головами, восторженные восклицанія... О! изумительный звонарь! Онъ, должно быть—посланный Небомъ герой рыцарскихъ романовъ. Онъ прибылъ послѣднимъ, окованный въ латы, побѣдитель турнира. Кто былъ этотъ незнакомецъ, появившійся въ ту минуту, когда уже стали думать, что конкурсъ останется безъ результата послѣ неудачнаго выступленія первыхъ звонарей... Только немногіе—ближе всѣхъ стоявшіе къ башнѣ, —успѣли разглядѣть его, когда онъ исчезалъ за дверью... Его никто не зналъ. Никто не могъ назвать его имени.

Герольдъ въ пурпурѣ, снова появившись у окна, крикнулъ звучнымъ голосомъ: „Жорисъ Борлюйтъ!“ Это и было имя побѣдителя.

Жорисъ Борлюйтъ... Это имя донеслось сначала до первыхъ рядовъ; потомъ оно полетѣло, передаваясь отъ одного къ другому, надъ бушующей толпой, какъ чайка надъ моремъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь Рынка широко раскрылась... Появился красный герольдъ; за нимъ слѣдовалъ человекъ, имя котораго было на устахъ у всѣхъ. Герольдъ раздвинулъ толпу, чтобъ провести побѣдителя къ крыльцу Дворца, гдѣ находились городскія власти, на обязанности которыхъ лежало утвержденіе новаго звонаря въ его должности.

Всѣ разступались, какъ если бѣ мимо нихъ проходилъ нѣкто бѣльшій, нежели они, какъ раступаются передъ епископомъ, когда онъ, въ день процессіи, несетъ реликвию Святой Крови.

Жорисъ Борлюйтъ! Это имя продолжало звучать надъ Большой Площадью, на всемъ ея протяженіи; его подбрасывали къ фасадамъ домовъ, кидали къ окнамъ и выступамъ, повторяли до безконечности. Оно стало знакомымъ, словно было написано буквами въ воздухѣ.

Взойдя на площадку готической лѣстницы, побѣдитель былъ встрѣченъ поздравленіями Правителя и старостъ; подтверждая выборъ народа, они подписали его назначеніе на должность городского звонаря. Ему вручили—какъ награду за одержанную имъ побѣду—ключъ, разукрашенный желѣзными узорами и массивными мѣдными арабесками, внушительный, какъ посохъ епископа. Онъ служилъ символическимъ знакомъ его избранія. Это былъ ключъ отъ колокольной. Теперь онъ могъ ходить туда, когда ему хотѣлось, какъ если бѣ она стала его жилищемъ или онъ сталъ ея владѣльцемъ.

Когда побѣдитель взялъ въ руки фантастически разукрашенный ключъ, его внезапно охватила грусть, всегда являющаяся послѣднимъ аккордомъ празднества. Онъ почувствовалъ себя одинокимъ; имъ